

О. Н. Трубачев

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ И СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

Русск. *диал. чичер*, сербохорв. *чїч*, *чїч* и родственные

Русское слово, названное в заглавии данной первой заметки, неизвестно литературному языку и существует только в составе лексики ряда народных говоров (главным образом — южновеликорусских, см. ниже обзор примеров). Приходится констатировать, что ясность относительно этимологии этого слова еще не достигнута. Собственно говоря, его происхождения очень бегло касались только Преображенский и Фасмер. Первый из них сближает russk. *чичер* с санскр. *sīśīra-* ‘холод, холодное время’, но случайность этого сближения была очевидна и его автору, который говорит о нем как о «любопытном совпадении» тем более, что древнеиндийский пример помещен им недвусмысленно в ряду форм от и.-е. **k'el-*¹. Фасмер отвергает сближение Преображенского; сам он при этом ограничивается сравнением с russk. *диал. чичега, чичела, чичала* ‘иней, изморозь, мокрый снег’², но последнее засвидетельствовано как слово исключительно северновеликорусское, конкретно — олонецкое. Географическая удаленность от ареала слова *чичер* (см. ниже) заставляла отдельных исследователей искать истоки олонецкого диалектного слова в карельск. *tšipši* ‘мокрый снег’ (см. Калима у Фасмера, там же, который, впрочем, эту этимологию оспаривает). Обособленность распространения, формы (отчасти — семантики) и, вероятно, происхождения заставляет нас оставить пока вопрос о северновеликорусском слове в стороне и сосредоточить внимание на слове *чичер* тем более, что оно не получило достаточного освещения в этимологической литературе и, видимо, не считается древним (так, оно пропущено в «Славянском этимологическом словаре» Бернекера).

Перейдем к обзору форм интересующего нас слова: *чичер* м. р., *чичера* ж. р. (тул., орл., тамб., ряз.) ‘резкий, холодный осенний ветер с дождем, иногда и со снегом’³, *чичер* ‘пурга с ветром, дождливая изморозь, мелкий дождь с ветром’⁴, *чичер* м. р. ‘холодный ветер с изморозью и дождем; осенний дождь с холодным ветром’ (дон., орл., тамб.), ‘метель’ (тул.)⁵, *чичер* ‘сумо-

¹ Преображенский II, стр. 319.

² Vasmer III, стр. 344.

³ Даль² IV, стр. 609.

⁴ Миртов. Донской словарь, стр. 359.

⁵ Опыт, стр. 259.

розв' ⁶, чи́чер 'осенний холодный ветер с дождем и снегом; северный ветер' ⁷, чи́чер (чи́ч'ар) м. р. 'резкий холодный ветер на открытом месте': . . . Лóшъд'и т'ип'ér' н'a вýйдут' из л'есу, там ч'íч'ар вон какой, а з'д'ес' [в лесу] т'íха. На ч'íч'ир'и — ёть яа дўмай, бур'á такайа, ч'íч'ар завут' . . . ⁸ Слово чи́чер в значении 'резкий, холодный ветер' встречается, между прочим, в повести С. Есенина «Яр» ⁹. По-видимому, трудно объяснить происхождение и состав слова чи́чер, оставаясь в пределах русского материала. Созвучные гидронимы Чечера, Чечора, Чичора, Чичара в бассейнах рек Сожа, Десны и др. имеют особое, как обычно считают, — балтийское происхождение ¹⁰ и едва ли помогают разъяснению этимологии appellativa чи́чер. Образование appellativa от гидронима в данном случае кажется маловероятным, как, впрочем, и прямое заимствование слова чи́чер из балтийского. В последнем нас, в частности, убеждает, помимо отсутствия подходящего источника в лексике балтийских языков, существование некоторых родственных форм в славянской лексике, например сербохорв. чи́ч м. р. 'сильная стужа, холод', в словаре Вука — ци́ч, ци́х м. р. (черногорск.) в выражении: *пукao цич* (о большом холодае, морозе), также *си́с* м. р. 'иней' ¹¹. Эта лексика тоже, в свою очередь, пропущена в словаре Бернекера, возможно, не без влияния мнения авторов Загребского академического словаря сербохорватского языка, относивших сербохорватское слово к экспрессивным образованиям вроде сербохорв. *cičati, ciknuti*. Между тем сравнение сербохорв. чи́ч 'сильная стужа, холод' (формы вроде *си́с* могут содержать вторичную, экспрессивную палатальность) и russk. чи́чер (см. выше) показывает старый суффиксальный производный характер русского слова и делает вероятным древнее образование непроизводного сербохорватского слова.

На основании сравнения упомянутых сербохорватского и русского слов, распространенных на изолированных и не соседствующих друг с другом территориях, можно допустить отражение в названных словах архаизма: russk. чи́чер < *kīker- или, скорее, *keīker- . Этую последнюю реконструированную форму мы считаем этимологически родственной и словообразовательно наиболее близкой лит. *kaīkaras* 'высокий и сутулый', 'лодыры' ¹²

⁶ Е. Б у д д е. К диалектологии великорусских наречий. Исследование особенностей рязанского говора. — РФВ XXVIII, 1892, стр. 68.

⁷ Ди т т е л ь. Сборник рязанских областных слов. — Ж Ст. VIII, 1898, стр. 226.

⁸ Деулинский словарь, стр. 599.

⁹ См. словарик, составленный А. А. Есениной, в изд.: С. Е с е н и н. Собрание сочинений в трех томах. Том 3. М., 1970, стр. 344 (Примечания).

¹⁰ В. Н. Т о п о р о в, О. Н. Т р у б а ч е в. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, стр. 219 (там же прочая литература).

¹¹ RJA II, стр. 136.

¹² F r a e n k e l I, стр. 202. Отношение russk. чи́чер : лит. *kaīkaras* в вокализме суффикса аналогично отношению слов. *večerъ : лит. *vākaras*.

и др.-инд. *kekara-* ‘косой, косоглазый’¹³. Далее, сюда же относятся лат. *caecus* ‘слепой; темный’ и близкородственные др.-ирл. *caech* ‘одноглазый’, гот. *haihs* ‘то же’¹⁴. Они продолжают и.-е. **kai-ko-*, производное с суффиксом *-ko-* от **kai-* ‘один, единственный’¹⁵.

Из этой семантической первоосновы хорошо объясняются значения ‘одноглазый’, ‘косоглазый’, ‘слепой’ перечисленных выше слов (литовские значения ‘сутулый’, ‘разболтанный’, ‘ленивый’ укладываются в более широкую семантическую рубрику ‘наделенный недостатком, в частности физическим’). На первых порах отнесение сюда же русского слова *чичер* представляется по меньшей мере затруднительным семантически. Однако почти для всех примеров употребления этого русского диалектного слова наиболее характерно значение ‘резкий, холодный ветер’ или близкие (‘осенний холодный ветер’ и т. п., см. выше). Подобно тому как форму русск. *чичер* мы вправе возвести к более древнему **keikēr-*, современное его значение ‘резкий, холодный ветер’ мы могли бы объяснить как эволюцию из более древнего ‘слепящий, слепой ветер’. На такую мысль наводит нас вскрытие диахронической семантической модели ‘слепой’ → ‘холодный, северный ветер’ в некоторых индоевропейских языках: греч. *χακίας* ‘северо-восточный ветер’, сближаемое при этом обычно с лат. *caecus* ‘слепой’¹⁶, лат. *aquilō* ‘северный ветер’ — лат. *aquilus* ‘температурный’ и др.¹⁷

Как уже было сказано ранее, русск. *чичер* может продолжать и.-е. **keikēr-*; в то же время привлеченная индоевропейская лексема ‘слепой’ обнаруживает такую особенность вокализма, как наличие гласного *a* (лат. *caecus*, др.-ирл. *caech*), характеризующего нередко корень слов, обозначающих недостаток или болезнь¹⁸. Экспрессивная функция этого неапофонического индоевропейского *a* могла сглаживаться путем последующих апофонических выравниваний или ассимиляций; последнее могло иметь место в дославянском **keikēr- < *kaiker-/*kaikor-*.

Изложенная выше гипотеза по этимологии русск. *чичер* (и сербохорв. чїч) может представить интерес в плане дальнейших поисков отражений и.-е. **kai-* ‘один, единственный’ в славянском, где до сих пор они указывались в формах *cēlъ, *cēglъ.

¹³ A Sanskrit-English dictionary... by M. Monier-Williams. Oxford, 1964, стр. 308.

¹⁴ M a u r h o f e r I, стр. 264 (с сомнением ввиду позднего характера свидетельств. др.-инд. слова); W a l d e - H o f m a n n I, стр. 129; E g n o u t - M e i l l e t³, I, стр. 147 (без др.-инд. слова).

¹⁵ P o k o r g u I, стр. 519—520.

¹⁶ F r i s k I, стр. 753—754; H o f m a n n, стр. 128; сомнения по поводу этой этимологии см., в частности, B o i s a c q⁴, стр. 390—391.

¹⁷ Cм. W a l d e - H o f m a n n I, стр. 129.

¹⁸ См. об этом E g n o u t - M e i l l e t³ I, стр. 147.

Др.-русск. очюнной (русс. очень), в.-луж. *cipi*, словин. *cānī*

Типично русское слово, не имеющее, как обычно полагают, соответствий в других славянских языках, — наречие *очень* насчитывает к настоящему времени целый ряд этимологий в литературе и, можно сказать, еще не получило удовлетворительного объяснения до сих пор. Нас не могут удовлетворить этимологии *очень* от *око*, от *очнуться*, *очутиться*, из **отъчънь*¹⁹. Более древней и одновременно этимологически наиболее авторитетной формой слова является древнерусская огласовка *очунь*. А. С. Львов, ранее объяснявший *очень* из *очунь* ‘дурно’, ‘чрезвычайно’, ‘весьма’, наречия от глагола *очунѣти*²⁰, пришел позднее к заключению, что *очунь* — существительное с суффиксом *-нь* от глагола *очути*,ср. *дань*: *дати*. По мнению А. С. Львова, от существительного *очунь* было образовано прилагательное *очюнной* ‘дурной’ (Иван Грозный, 1578 г.). Переход *очунь* из существительных в разряд наречий автор сравнивает с аналогичным переходом слов *страх*, *жаль*²¹. Доводы А. С. Львова логичны, но исходят из молчаливого допущения, что речь идет о русском новообразовании. Привлечение родственных данных из других славянских языков, к которым мы обратимся ниже, меняет оценку явлений. В нижеследующих примерах можно заранее выделить устойчивость элемента *-п-* (*-н-*), по А. С. Львову — вторичного суффикса. Все сравниваемые ниже слова — прилагательные. В русских формах мы также видим прилагательные: полное — *очюнной* и краткую адвербализированную форму *очунь*. Родственные формы находим в западнославянском: в.-луж. *cipi* ‘мягкий, нежный’, ‘тонкий’²², словин. *cānī* ‘красивый, хорошеный’²³, *cēnī* ‘то же’²⁴. Верхнелужицкую и кашубско-словинскую формы может объединить вместе с древнерусской формой *очюнной* только праславянская реконструкция *otjupъjь — прилагательное, полученное сложением префикса *ot-* и основы *jup-*. Дальнейшая история форм в западнославянском привела к разложению, вследствие чего *o-* было осмыслено как префикс и затем отделено и новым началом слова оказалось *tj-* > зап.-слав. *c-*. Благодаря Махеку мы можем в деталях проследить это развитие на одном этимологически родственном образовании, которое вместе с тем настолько обособилось от наших прилагательных, что сам Махек упустил из виду наличие этих этимологически родственных соответствий. Непосредственным предметом анализа

¹⁹ См. Vasmeg II, стр. 295.

²⁰ А. С. Львов. Из лексикологических разысканий. «Доклады и сообщения Института языкоznания АН СССР» X. М., 1956, стр. 68 и след.

²¹ А. С. Львов. Из лексикологических наблюдений. 2. Еще раз об этимологии *очень*. «Этимология». 1965. М., 1967, стр. 194—195.

²² Pfuhl, стр. 63, Jakubas, стр. 71.

²³ Lorentz Slovinz. Wb. I, стр. 98.

²⁴ Lorentz Pomor. I, стр. 90.

Махек послужило чеш. диал. (зап.-мор.) *coun* ‘молодой побег, отросток’²⁵, также *cip*, с одной стороны, и ст.-чеш. *osýp* ‘растение *Colchicum*’ — с другой. Если в первом издании этимологического словаря Махек мы читаем под *coun* помету «неясное»²⁶, то во втором его издании это слово убедительно проэтимологизировано как тождественное *osýp* < *otjupъ, первоначально — ‘молодой отросток, побег вообще’²⁷. Специальное внимание Махек уделяет при этом функции префикса *ot-*, принимая для него здесь значение ‘вновь, опять’ (со ссылкой на аналогии в балтийском) из первоначального значения взаимности, т. е. в любом случае — значение более древнее, чем теперешнее разграничительное. Махек приходит к выводу, что в ст.-чеш. *osýp* ‘растение *Colchicum*’ (а также в чеш. диал. *coun* ‘молодой побег, отросток’) представлено субстантивированное прилагательное особого типа²⁸. Если Махек приходит к констатации адъективного характера данного образования лишь путем реконструкции, то тем более цепны для нас свидетельства в.-луж. *cipi*, словин. *cāpi*, *cēpi*, др.-русск. очюнной, функционирование которых в качестве прилагательных очевидно и не требует доказательств. Не должна вызывать принципиальных возражений как будто и реконструкция *otjupъjъ для этих прилагательных (см. выше). Что касается семантики названных прилагательных и возможного характера ее связи со значениями слав. *jupъ ‘молодой, юный’, то здесь намечаются определенные отличия. Связь значений западнославянских прилагательных — в.-луж. ‘мягкий, нежный’, ‘тонкий’, словин. ‘красивый, хорошенъкий’ — со значением ‘молодой’ может быть, кажется, принята как самоочевидная. Древнерусское значение ‘дурной’, думается, развилось из ‘чрезвычайный, сильный’ (ср. значения *очунь*, *очень*), а последнее опять-таки восходит к значению ‘молодой’, в чем мы согласны с Р. Ф. Брандтом, который, в отличие от Миклошича и ряда более поздних исследователей, именно так, в частности, объяснял ст.-слав. *oúnni melior* (Супр.): ‘моложе’ → ‘сильнее, лучше’²⁹. Требует оговорки и функция префикса *ot-* в реконструированном прилагательном *otjupъjъ: не исключено, что мы здесь имеем своего рода суперлатив (ср. значение родственного др.-инд. *áti* ‘чрезвычайно, очень’, авест. *aiti*) ‘очень молодой, юный’ → ‘нежный’, ‘красивый’; ‘сильный, чрезвычайный’.

²⁵ Bartoš. Slov., стр. 40.

²⁶ Machek¹, стр. 61.

²⁷ Machek², стр. 89.

²⁸ Там же, стр. 408.

²⁹ Р. Ф. Брандт. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича. Варшава, 1891, стр. 177—178. — Иначе см. Miklosich, стр. 372; Vasmeg III, стр. 184 (с литературой); Sadnik-Aitzetmüller. Handwörterbuch, стр. 325.

Укр. *Говерла*, название горы в Карпатах

Говерла — так называется наивысшая вершина (2.058 метров над уровнем моря) Украинских, Лесистых Карпат. Другие попытки этимологизации оронима *Говерла* нам неизвестны. Это название может продолжать более раннее *оверла (с вторичным развитием протетического придыхания перед этимологически чистым начальным гласным ³⁰) < *ob-vyrtla. Близкое этимологическое соответствие находим только в сербохорватской appellативной лексике: *ovr̥l* м. р. 'вид женского головного убора', ср. пословицу *Gizdavoj nevi ne možeš ovr̥l oko glave obmotati*; сюда же, далее, *Ovr̥e*, топоним в Далмации, *Ovr̥ica*, местное название в Боснии; *ovr̥lina* ж. р. 'женский головной убор, кичка'. Любопытно здесь отметить и форму с протетическим *h-* *hovrlica* ж. р. 'старинный женский головной убор в Винодоле' (с XIII в.) ³¹. Метафорическое употребление названия женского головного убора, кички в качестве названия горы кажется естественным. Этимологическое тождество *Говерла*: сербохорв. *ovr̥l* представляет интерес в ряду других карпатских «южнославянизмов» украинского ³².

Восточнославянский гидроним *Суходров*

Речь идет о названии малой реки, левого притока Шани, левого притока Угры, в бассейне Оки. Гидроним известен в целом ряде вариантов — *Суходров*, *Суходрев*, *Суходровъ*, *Суховъровъ* в списках, картах и документах древнего и нового времени ³³. Относится часть вариантов названия за счет народноэтимологических переосмыслений (таковы, по нашему мнению, *Суходрев*, *Суховъ-ровъ*), выделяем как наиболее авторитетный этимологически, т. е. главным образом не отражающий явной тенденции осмыслиения и вторичной ассоциации, вариант Суходров. Перед нами — гидронимическое сложение, которое можно лучше понять, сопоставив с практически тождественным сложным гидро-

³⁰ См. о протезе *g-* перед *o-* в украинских диалектах: J. Ziłyński. Opis fonetyczny języka ukraińskiego. Kraków, 1932, стр. 108; J. Панькевич и ч. Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей, ч. I. Praha, 1938, стр. 107; Г. Ф. Шило. Явище протези в слов'янських мовах. «Вопросы славянского языкоznания». Кн. П. Львов, 1949, стр. 231, 233, 234; Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955, стр. 111.

³¹ RJA IX, стр. 499; III, стр. 673.

³² См. в целом об этой проблеме вступительную статью к изд.: С. Б. Бернштейн, В. М. Ильин - Свитыч, Г. П. Клепиков, Т. В. Попова, В. В. Усачёва. Карпатский диалектологический атлас. М. [б. г.], ротапринт.

³³ Книга Большому чертежу или древняя карта Российской государства. Изд. 2, СПб., 1838, стр. 119; Книга Большому чертежу. Подготовка к печати и редакция К. Н. Серебриной. М.—Л., 1950, стр. 119. Сведения о гидрониме *Суходров* и вариантах взяты из работы: Г. П. Смолицкая. Список рек бассейна р. Оки (рукопись).

нимом на территории Литвы: в старых записях — *Савсдравы*, *Совздроисъ*, современное лит. *Sauðravas*³⁴, далее — *Sausdrāvas*, *Sausdrāvē*³⁵. В литовском гидрониме выделяется компонент *saus-* ‘сухо-’, этимологически идентичный начальному *Сухо-* русского гидронима. Второй компонент лит. *-drav-* так же точно соответствует русск. *-древ*, дополнительно подтверждая наличие здесь особого этимона, не связанного ни с дровами, ни с древом (см. вторичные варианты русского гидронима, выше). Это особая гидронимическая основа, выступающая, в частности, и на восточнославянской территории, ср. например название реки *Адров/Одров*, в Поднепровье, как, впрочем, и на балтийской территории, ср. др.-прусск. *Drawe*, название ручья. Своеобразие случая *Суходров* состоит в том, что полное соответствие ему находим в балтийской гидронимии, но второй его компонент не находит опоры ни в славянской, ни в балтийской апеллативной лексике (созвучные лексемы со значениями ‘древа’, ‘дерево’ в славянских языках, ‘бортъ, дупло’ и т. д. в балтийских языках здесь явно не подходят). По-видимому, здесь налицо реликты индоевропейской именной отглагольной основы, прослеживаемой в старой гидронимии разных индоевропейских территорий (иллр. *Dravos*, польск. *Drwęca*, галльск. *Druentia*, др.-инд. *Dravantī-* : *drávati* ‘бежит, течет’ < и.-е. **dreu-*³⁶).

³⁴ K.-O. F a l k. Wody wigierskie i huciańskie. I. Uppsala, 1941, стр. 191.

³⁵ «Lietuvos TSR upių ir ežerų vardynas». Vilnius, 1963, стр. 143.

³⁶ Обзор форм см. Р о к о г н у І, стр. 205.